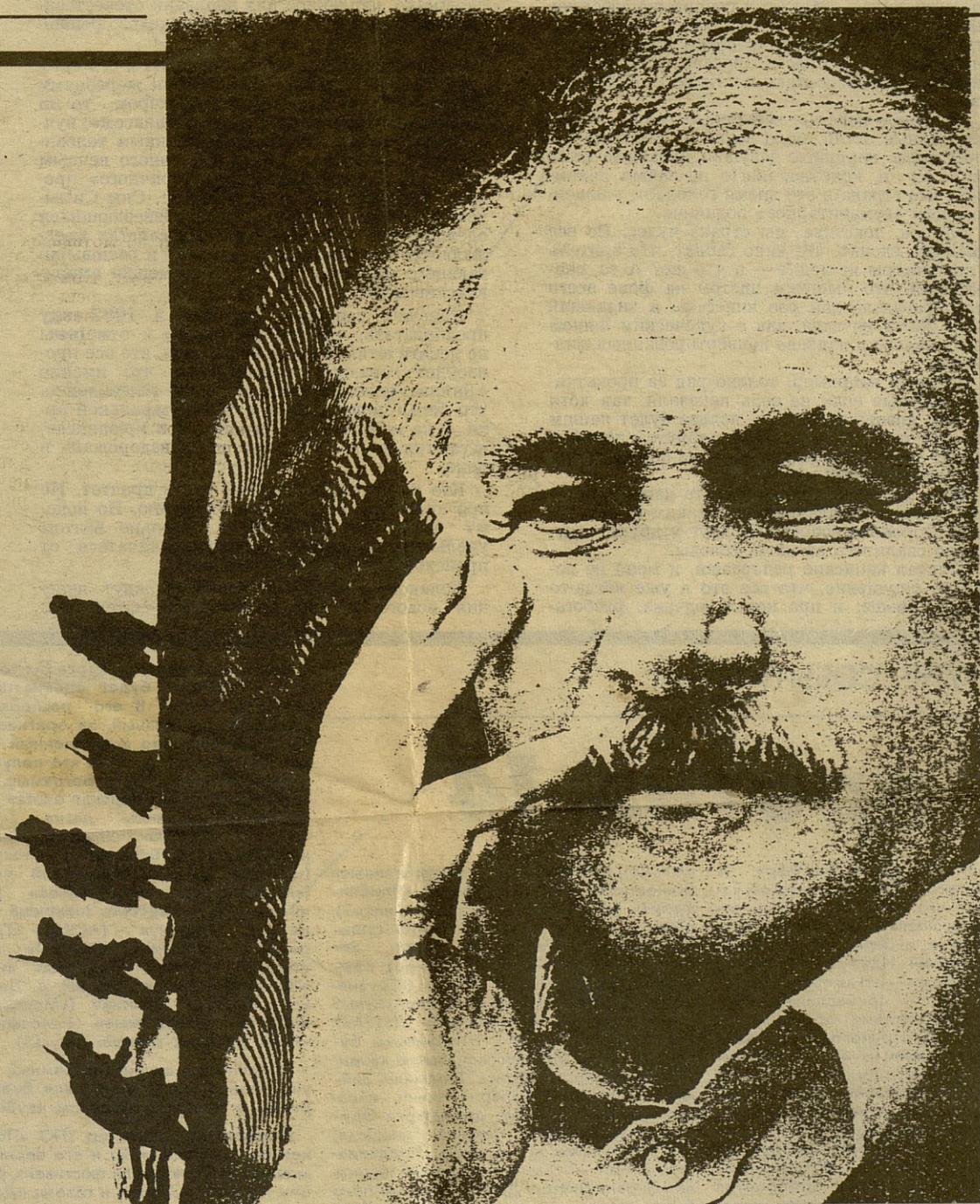

ЭКРАН И СЦЕНА

23 мая — с. 8-9

ПАМЯТЬ
ЧИСТОГО
НЕБА

В ЭТОМ номере (стр. 8—9) — много добрых слов о Григории Наумовиче Чухрае, народном артисте СССР, лауреате Ленинской премии и множества международных призов. О Чухрае, который пришел в кино после того, как лейтенантом закончил войну и снял «Сорок первый» и «Балладу о солдате», «Чистое небо» и «Жили-были старик со старухой», «Память», «Трясину», «Жизнь прекрасна», «Я научу вас мечтать».

Не так уж много картин, но они — классика нашего кино, в них — доброта и мудрость, любовь к Человеку, принадлежащему высокой общности людской, но не сливающемуся с «массой». В них — память чистого неба наших хороших времен и непреходящая, упрямая наша надежда на солнце — для Человека — за облаками.

Вместе с теми, кто в разные годы работал с мастером, «ЭС» поздравляет Григория Наумовича Чухрая, которому неожиданно исполнилось семьдесят — и именно сегодня.

Валентин ЕЖОВ:

Дружба, начавшаяся с вешалки

Ну что вспомнить о Григории Чухрае накануне его юбилея? Может, то, как в подвале на Сретенке мы выращивали Чухраева-второго, его сына Пашку? Тогда Григорий и его жена Ирина почти не на что было жить. Ирина — Помню феерически красивую женщину в шляпе с широкими полями. А может, лучше рассказать о том, как сержант Ежов познакомился с лейтенантом Чухраем на первом курсе первого послевоенного набора во ВГИКе?

ВГИК... Послевоенный, он напоминал скорее военное училище и начинался с вешалки, где висели все больше солдатские шинели. А вокруг были сапоги, гимнастерки, опять сапоги, ордена на гимнастерках. Там-то мы с Чухраем и встретились.

Вот ведь часами могу рассказывать про него. Примерно по одному эпизоду в час. Знаете, например, как он попал в большую шухеру? Совершенно случайно, приехав на несколько часов в Москву из Киева. В Киеве он оказался, кстати, гораздо менее случайно: чтобы как-то зарабатывать на жизнь, отправился на Киностудию имени Довженко снимать картину под названием «Капитан «Старой черепахи». А в Киеве в ту пору как раз собрался весь кинематографический «свет» — С. Параджанов, Б. Барнет (прекрасный режиссер, самым несправедливым образом забытый еще при жизни и отчаявшийся на самоубийство); М. Хуциев и Ф. Миронер, снимающие свою «Весну на Заречной улице»; А. Алов и В. Наумов. И вот еще Чухрай прибыл. Орда нагрянувших москвичей не на шутку встревожила совсем тогда еще юную Студию имени Довженко. Местные режиссеры только и думали, как бы от этих москвичей отделаться побыстрее. А у самих «иноземцев» ситуация была безвыходной: им-то и вовсе снимать было негде. Впрочем, отлекаясь. Короче говоря, Чухрай идет по Москве, а навстречу Иван Парчев, в то время директор «Мосфильма». И вот Иван Александрович говорит Григорию Наумовичу: «Не хочешь ли, Григорий, сделать на нашей студии большую постановочную работу?» Чухрай немедленно согласился: удрал к общей радости из Киева, бросил «Капитана «Старой черепахи» и на «Мосфильме» снял «Сорок первый». А позже и «Балладу о солдате».

До того, как известно, фильмы делались либо о Вожде, либо на худой конец о Маршале Советского Союза. А мы с Григорием Чухраем решили снять картину о солдате. Вот представьте: бой, все рванутся в атаку, а один из солдат вдруг оборачивается и смотрит в камеру. И этот мальчик — наш герой. Картина делалась чудовищно трудно. Чухрай во время съемок попал в аварию, сломал обе ноги; не хватало по-настоящему средств и времени; фильм вылез из всех графиков, а потом передовая критика посчитала его слабым, никому не нужным, в крайнем случае — фильмом, который будет «представлять некоторый интерес для военного зрителя». Потом, правда, «Балладу» купил один иностранный продюсер за сорок тысяч долларов и разжился на ней так, что нам с вами и не снилось. В Канне картина получила приз. И еще — 101 международную премию. Так что живет наш солдатик, сколько уж лет прошло, а он все живет.

Такая вот короткая попытка стать биографом Чухрая накануне дня его рождения. Теперь остается что-то ему в эту дату пожелать. И поскольку наши с ним биографии шли почти параллельно с той самой вгиковской «солдатской» вешалкой и до сегодняшнего дня, пожелаю ему того же, чего и себе — его сверстнику: еще хотя бы две замечательные новые работы. Вообще-то говоря, мы можем делать кино с утра и до утра, но пусть две работы среди всего сделанного окажутся по-настоящему замечательными.

Олег СТРИЖЕНОВ:

Чего же ему пожелать

Я познакомился с Чухраем очень давно. А сейчас кажется, что вроде и не очень: и тридцати пяти лет как будто не прошло. И «Сорок первый» как будто не за горами...

Знаете, каждый человек должен тянуться к уровню, который выше его собственного, природного? Для меня этот «высший» уровень — Григорий Чухрай. Чухрай — человек, в характере которого слились счастливые качества: ум, совесть, достоинство, образованность, остроумие, жизненный опыт. Чухрай — художник с божьим даром, в котором «набор» тех же качеств: и ум, и совесть, и достоинство. Как поразительно он любит актеров! И как работает с ними! Все, впрочем, говорят: «мы любим актеров», и все действительно любят, но некоторые как-то неумело, кое-как или на словах. А вот он любит талантливо. Он добр к ним (не стоит путать с определением «добренький»). И работает всегда с особым чухраевским смаком, с необычайным вдохновением и фантазией.

Все, кто знает Чухрая, говорят о нем с одинаковым восхищением. И такую «штампу» в оценке не грех позавидовать. А вот желать ему чего-то сложно. У него и так все есть. Может, только если чего-то особенно актуального. Чего-то, в чем мы все нуждаемся. Но не желать же мастеру колбасы, в самом деле? Может, тогда здоровья? Да, пожалуй, пожелаю я Чухраю здоровья.

Владимир ИВАШОВ:

Нам было девятнадцать

Хочется начать с признания в любви к Григорию Наумовичу. Я не обожествляю его, но уважаю бесконечно. Говорить о нем могу только в превосходной степени.

Лишь со временем начинаешь по-настоящему оценивать события. Первая моя встреча с Чухраем произошла 32 года назад. Он был тогда моложе, чем я сейчас. Что значила эта встреча?

Представьте себе 19-летнего студента второго курса ВГИКа, который только мечтает и больше ничего не умеет. И тут такое предложение — главная роль в фильме «Баллада о солдате». В картине было два новичка — я и Жанна Прохоренко. Конечно, мы были скванские, не уверенные в себе. Но Чухрай специально следил за тем, чтобы на съемочной площадке были хорошие человеческие отношения и мы не чувствовали себя ущербными. И после съемок он тоже продолжал заниматься с нами. Причем делал это весело, с колоссальной выдумкой и страстью. Я много потом снимался у разных режиссеров, но так, как работал с актером Чухрай, по-моему, не умеет никто. Разве что в мемуарах читал об этом.

До сих пор помню тот ужас, который испытал от идущего прямо на меня танка. Он идет тихо, не стреляет, идет и не останавливается. Чухрай кричит мне: беги, беги. Я бегу. Выдохся уже, пот проступил, сердце выскакивает, божья уже нет сил, а танк все наступает. Я в сторону, и танк за мной, я в другую — и он поворачивает. Кричу: почему он не останавливается? почему? А танк все идет. Потом я узнал, что Чухрай все это специально подстроил. Я должен был почувствовать, что такое война, смерть. Иначе бы не сыграл. Вот такой жесточайший эксперимент.

На самом деле Григорий Наумович очень мягкий и добрый человек. А еще он умеет понимать людей без слов, читать мысли на расстоянии. Я ничуть не преувеличиваю. Чухрай — первый, кто познакомил меня с парапсихологией. Еще в 1961 году. Помню, я был свидетелем одного из его опытов. Дело было в Америке. Как известно, американский телевизор, если ты его раньше никогда не видел, с разбегу не включится. Так вот, было задание — включить седьмой канал, по которому в тот момент шел футбол. При эксперименте присутствовали сам Чухрай (он бродил за окнами, чтобы ничего не видеть и не слышать, для чистоты эксперимента), один русский эмигрант и я. Медиумом была американская журналистка, не говорящая по-русски. Чухрай вошел, взял журналистку за руку, сосредоточился и через минуту включил телевизор, седьмой канал.

На съемочной площадке я после «Баллады о солдате» с Григорием Наумовичем не встречался. Одно время, еще при Хрущеве, он собирался экранизировать Евангелие. И хотел пригласить меня на роль Иуды. Мы долго с ним обсуждали этот проект. Он хотел переосмыслить образ Иуды. По обычной версии Иуда — предатель. А Чухрай собирался представить его самым верным учеником Христа. Очень доверчивым

ПАМЯТЬ ЧИСТОГО НЕБА

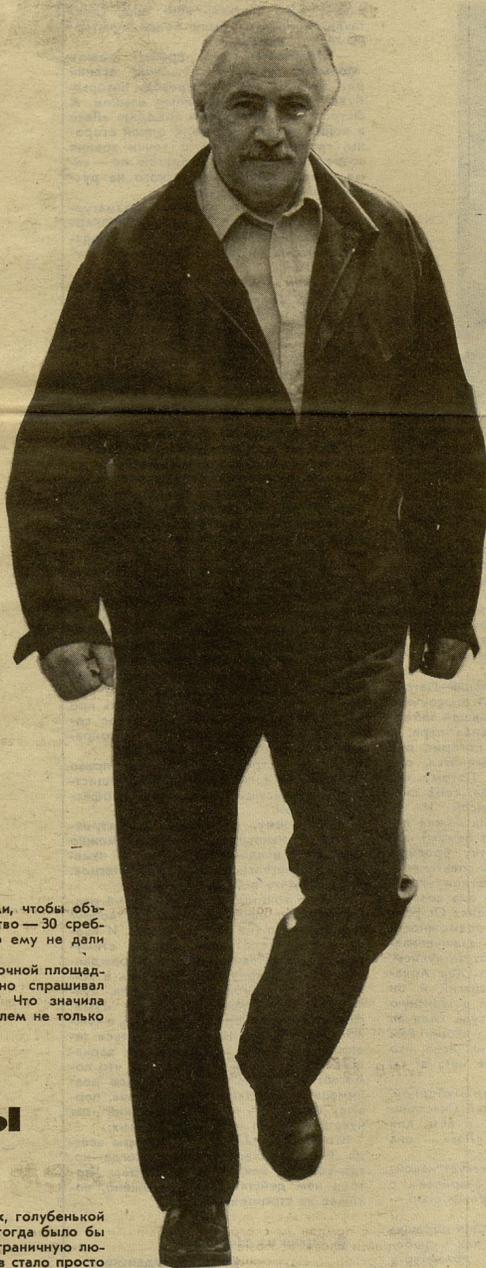

Фото А. Белянчева.

● «Сорок первый», 1956 г. Специальный приз Каннского кинофестиваля.

● «Баллада о солдате», 1959 г. Ленинская премия, приз Каннского кинофестиваля и около сотни других призов и премий.

● «Чистое небо», 1961 г. Главный приз Московского международного кинофестиваля.

и чистым человеком, пошедшим на контакт с книжниками и фарисеями, чтобы объяснить им — Иисус ваш друг. А ему заплатили гонорар за предательство — 30 сребреников. Он хотел рассказать о трагедии доверчивости. Понятно, что ему не дали осуществить этот замысел.

Чухрай научил меня работать. И потом я всегда ощущал, что на съемочной площадке мне его не хватает. Работая с другими режиссерами, я постоянно спрашивал себя: а вот как бы Чухрай сделал этот эпизод, выстроил эту сцену? Что значила для меня встреча с этим человеком? Да все. Я считаю его своим учителем не только в профессии, но и в жизни.

Нина ДРОБЫШЕВА:

Мы коронованы Чухраем

Если бы прыгнуть в прошлое, стать той девочкой в больших валенках, голубенькой шапочке с помпоном, с огромными бантами на голове — может быть, тогда было бы легче найти слова, которые ввели бы всю мою благодарность и безграничную любовь к Григорию Наумовичу Чухраю. Так хочется, чтобы ему от этих слов стало тепло на душе, и еще я надеюсь, что и до сегодняшнего дня дня он ни разу даже и мгновение не пожалел, что взял меня тогда в «Чистое небо». Чухрай в моей судьбе — человек, посланный Богом. И это было мое везение, а судьба. Не знаю, почему он выбрал меня тогда на роль. Может быть, увидел во мне что-то такое, чего и сама я в себе не предполагала.

Григорий Наумович — человек непостижимый, удивительный. Помню его молодым, красивым, стройным, с копной черных волос. Да и сейчас он такой же. Вот только голова стала белой. Он обладает редчайшим даром: видеть в людях лучшее и раскрывать это в них — свойство, присущее лишь истинному таланту. Звезд Григорием Наумовичем зажжено много на кинонебе. Грустно, что их не сберегли, не дали им засверкать в полную силу. Но на киноастрономическую карту их имена нанес Чухрай. Он, как никто другой, любит актеров. И все же, несмотря на всю его нежность и внимание к ним, он никогда и никого не звал в свое кино дважды. Исключением был лишь Евгений Урбанский. Из актрис никому не посчастливилось. Сколько не мечталось о новой работе с ним — он как бы улетал от тебя яркой кометой вперед, к неизведанному. Но и одной встречи хватало на всю дальнейшую актерскую жизнь. Я никогда не живу воспоминаниями о прошлом. Оно просто мое и навечно закрыто в шкатулке памяти, в сердце.

Грустно, что сейчас не появляются такие фильмы, какие делал Чухрай. Не умеют, наверное. И хотя картин, если считать по пальцам, им создано не так уж много, даже одной такой чухраевской — хватит на целое поколение. Потому что он никогда не снимал то, что можно. Только то, что хотел, считал необходимым как художник.

Это ленты времени. Это классика. Можно спорить, какие из них лучше. Но прежде всего они — фильмы Чухрая, великого, с моей точки зрения, режиссера. У Марины Цветаевой в одном из стихотворений, посвященных Анне Ахматовой, есть такие строчки: «Мы коронованы тем, что одну с тобой мы землю топчем, что небо над нами — то же!» Вот и мы, актеры, снявшиеся у Григория Наумовича Чухрая в разные периоды, коронованы встречей с ним.

Георгий МАРТЫНЮК:

Как стать свободным

Произошло это в 64-м году. Я уже успел сняться в двух картинах. Однажды утром раздался телефонный звонок — предлагали роль в картине Григория Наумовича Чухрая «Жили-были старик со старухой». Я, конечно, обрадовался, разволновался — меня приглашает Чухрай, один из самых талантливых и известных режиссеров.

Но волнение мое оказалось напрасным: процесс кинопроб, всегда такой мучительный, оказался здесь на редкость простым и бесхитростным. Чухрай спокойно говорил: «Повернитесь так, так, а вот теперь другим боком. А вот теперь крикните-ка чего-нибудь!» Затем он воскликнул: «Все, вопросов нет, будете сниматься».

Так состоялось наше знакомство. Начали снимать картину. Работать с ним было легко и интересно, возникало ощущение полной творческой свободы — как я потом понял, мнимой. Дело в том, что он умеет настолько ненавязчиво, тонко и незаметно направить игру актера в нужное ему русло, что тот пребывает в полной уверенности, будто делает все исключительно сам.

А потом мы подружились. Он и в жизни такой же — легкий, добрый, мудрый. Помню, как-то во время одной из поездок он меня очень расстрогал. Зашел я как-то к нему в номер и застал выдающегося режиссера за весьма прозаическим занятием: он стирал в раковине свою белую рубашку. Подозвал меня к себе, Григорий Наумович принялся сосредоточенно объяснять мне наименее эффективный способ стирки ворничка: оказывается, ослепительная белизна его достигается с помощью обычной зубной щетки.

А потом мы долго бродили по городу и говорили, говорили взахлеб, обо всем. Замечательное, светлое время! Вот я и желаю Григорию Наумовичу, чтобы эти, хорошие для нас всех времена, оставались с ним навсегда.

Леонид МУРСА:

Не надо было врать

Я запомнил Чухрая еще в 1961 году, когда он — секретарь правления Союза кинематографистов СССР — приехал в Кишинев, чтобы защитить фильм Михаила Калика «Человек идет за солнцем». Конечно, ему не удалось переубедить настроенное «против» бюро ЦК Компартии Молдавии, но уважение интеллигенции республики Григорий Наумович завоевал.

Поэтому, когда в 1969 году он пригласил меня работать на экспериментальной студии при «Мосфильме» (он был в ту пору ее худруком), я с радостью согласился. Будили у нас и разногласия, это естественно между худруком и директором. Но по большому счету это были лучшие годы нашей жизни.

Чухрай, прославленный тогда уже режиссер, снявший «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо», — к сожалению, творчеством по-настоящему заниматься в годы своего «худрукства» не мог. Все его время занимала работа над такой сложной кинопроблемой, которая бы защитила художников от чиновничьей опеки. Вместе с первым директором ЭТО Владимиром Александровичем Познером ему удалось придумать такую замкнутую, гармоничную, близкую к идеальной систему, где все было кровно заинтересовано в конечном результате.

До этого в течение восьми лет я работал директором «Молдова-Фильм», опыт у меня был. Но на экспериментальной студии все складывалось по-другому: не надо было врать, составлять липовые сметы, действовать по принципу «чем больше экономия — тем лучше». Все делалось во имя художника, для него создавались максимально благоприятные условия.

Меня поражало, что в вопросах хозяйствования Чухрай был «доктором экономических наук», хотя и не имел, конечно, специального образования. Как худрук он никогда не вмешивался в работу других, умел себя сдерживать, давал полную свободу режиссерам. Если советовал, то очень тактично, но навязывая своей точки зрения.

Правда, бывали и сложные ситуации. Трудно складывался, к примеру, фильм «Сибирячка». Помню, как режиссер Алексей Салтыков показал нам сырой, еще не озвученный трехчасовой материал. После просмотра Григорий Наумович спешил на поезд, разговор отложил на несколько дней. Когда обсуждение состоялось, не было возможности пересмотреть материал — отсутствовал монтажер. Но Чухрай называл эпизод за эпизодом, помня их лучше самого автора.

На студии была поразительная атмосфера доброжелательности, все по-хорошему зависели друг от друга, и все были заинтересованы в хорошем. К нам тянулись разные режиссеры — не только любимые зрителем, такие, как Леонид Гайдай, Владимир Мотыль, Георгий Данелия, Эмиль Лотяну, но и начинающие. Фильмом «Пришел солдат с фронта» у нас дебютировал Николай Губенко. Роман Кармен снял у нас «Пылающий континент», «Сердце Корвалана». Начал работу над «Сталкером» Андрей Тарковский. Мы приняли сценарий Виктора Шкловского «Демон», который собирался ставить Сергей Параджанов. К несчастью, вмешался тогдашний председатель Госкино Романов и закрыл картину.

К 1974 году преимущества новой системы стали очевидны. Фильмы делались быстро (съемочный период ограничивался четырьмя месяцами), и это были хорошие картины (в среднем каждый фильм ЭТО посмотрели 31 миллион человек). Мы были независимыми, к нам шли работать с радостью. Это раздражало и Госкино, функции которого в нашем случае сводились лишь к выдаче разрешительного удостоверения для проката, и коллег с «Мосфильма». Госкино начало издавать приказ за приказом, которые сводили нашу работу на нет, нас начали захимать. И тогда мы не стали дожидаться, пока нас окончательно прикроют, скомпрометируют эксперимент, а сами ликвидировали студию, на которой к тому времени было снято уже 35 фильмов. Больше всех было Григорию Наумовичу, ведь умирало его детство. Мы отчитались на коллегии Госкино, представили наши экономические выкладки. Все обрадовались, нам объявили благодарность, но объяснили, что кинематограф в целом не готов пойти по новому, опробованному нами пути...

Материалы подготовили: Н. МЕСХИ, И. МОРСУНОВА, Н. БАТАЕН, Е. НИКИЩИХИНА, М. ПОРК.